

**«МОСКОВСКИЕ ТЕАТРЫ ДОЛЖНЫ СТАТЬ НЕМЕДЛЕННО  
АВТОНОМНЫМИ ОТ ПЕТРОГРАДА...» :  
ОБРАЩЕНИЯ А. И. СУМБАТОВА-ЮЖИНА К Н. Н. ЛЬВОВУ,  
В. А. ТЕЛЯКОВСКОМУ И Ф. А. ГОЛОВИНУ О ПОЛОЖЕНИИ  
МОСКОВСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ТЕАТРОВ  
ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

**П. Н. Гордеев**

*Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена*

Поступила в редакцию 17 мая 2014 г.

**Аннотация:** в статье рассматриваются неопубликованные письма выдающегося артиста и театрального администратора А. И. Сумбатова-Южина к руководителям Комиссариата Временного правительства над бывшим Министерством двора, написанные в марте 1917 г. Выделяется целый ряд конкретных предложений, направленных на изменение правового статуса московских государственных театров после Февральской революции.

**Ключевые слова:** революция 1917 года, государственные театры, московские театры, театральное законодательство, А. И. Сумбатов-Южин.

**Abstract:** the article considers the unpublished letters of the outstanding artist and theatre administrator A. I. Sumbatov-Yuzhin to the heads of the Commissariat of the Provisional Government over the former Ministry of the Court, written in March 1917. A whole series of specific proposals aimed at changing the legal status of the Moscow state theatres after the February revolution.

**Key words:** revolution of 1917, state theatres, Moscow theatres, theatrical legislation, A. I. Sumbatov-Yuzhin.

Радикальные перемены, которые принесла России Февральская революция, коснулись и бывших императорских театров, ставших теперь государственными. Таковых в обеих столицах насчитывалось пять: Александринский, Мариинский и Михайловский в Петрограде и Большой и Малый в Москве. Все они находились в подчинении Дирекции императорских театров, которая, в свою очередь, была одним из более чем трех десятков «установлений» Министерства императорского двора (далее в тексте – МИДв). После падения монархии внутренняя организация театрального ведомства начала перестраиваться и нуждалась в новой правовой базе. В особенности это касалось московских театров, в которых, наряду с процессом становления органов самоуправления, все громче звучало требование автономии, понимаемой обычно как независимость от центрального (петроградского) руководства.

Важнейшим участником всех общественно-политических процессов, происходивших в 1917 г. на московской казенной сцене, был знаменитый артист Малого театра А. И. Сумбатов (по сцене – Южин), назначенный 6 марта Н. Н. Львовым (комиссаром Временного комитета Государственной думы и Вре-

менного правительства над Дирекцией театров) комиссаром по управлению московскими государственными театрами. В течение марта 1917 г. Сумбатов-Южин трижды письменно обращался в вышестоящие инстанции, к руководству возникшего после революции Комиссариата Временного правительства над бывшим МИДв (14 марта – письмо Н. Н. Львову и директору государственных театров В. А. Теляковскому, 24 марта – письмо В. А. Теляковскому и 28 марта – докладная записка комиссару Временного правительства над бывшим МИДв Ф. А. Головину). В указанных письмах и докладной записке, помимо сведений о внутренней жизни подведомственных Южину театров, содержались и определенные «конституционные» идеи и проекты, представляющие немалый интерес как в плане изучения общественно-политической жизни государственных театров в 1917 г., так и с точки зрения истории театрального законодательства.

Отметим, что выдержки из двух документов (письма от 14 марта и докладной записки от 28 марта) были приведены еще полвека назад в работе выдающегося советского театроведа Н. Г. Зографа, посвященной истории Малого театра [1, с. 517–519]. Однако исследователь не ставил перед собой специальной задачи изучения корпуса писем и записок Сум-

батов-Южина к руководителям бывшего придворного ведомства как историко-юридического памятника, содержащего в себе целый ряд законодательных инициатив. Это обстоятельство, помноженное на цензурные условия времени, обусловили небольшой объем и односторонний характер подобранных Н. Г. Зографом цитат (прежде всего таких, в которых Южин высказывал мнения о необходимости для московских театров большей свободы, независимости и т.д.). Таким образом, отметив приоритет Н. Г. Зографа, подчеркнем, что изучение данных писем и записок Южина по-прежнему является актуальным.

В письме, написанном 14 марта и адресованном Н. Н. Львову и В. А. Теляковскому, Сумбатов-Южин, среди прочего, отмечал: «Всеобщее, непреодолимое настроение всех артистов Московских Государственных театров – жажда автономии театра, его внутреннего самоуправления. Это дух времени, обостренный всем происходящим и действительно давно назревший вопрос». Автора письма беспокоила неопределенность его полномочий, усилившаяся в связи с назначением 8 марта Ф. А. Головина комиссаром над бывшим МИДв. «По газетным слухам, Ф. А. Головин назначен Министром бывшего Императорского Двора», – писал Южин, путая при этом должности министра и комиссара. «Но никаких известий от Г. Комиссара по Управлению Дирекцией Государственных театров или от Г. Директора я не имею. Так как мои полномочия в огромном объеме совпадают с их полномочиями и правами, то, для свободы действий теперь, во время, повелительно требующее ежеминутно быстрых, определенных и почти всегда принципиальных решений, мне необходимо отчетливо знать, в какой форме и размерах Московский уполномоченный подчинен Г. Министру? Каковы его высшие планы и предположения? Каково взаимоотношение Г. Комиссара по всей Дирекции, Г. Директора и Московского Комиссара? Неопределенность эта очень влияет на ход дела здесь» [2, л. 3 об.– 4 об.]. Получив это письмо, В. А. Теляковский 17 марта записал в своем дневнике: «Я ездил около 6 часов к Головину и с его разрешения послал телеграмму Южину, в которой сообщил, что права его остаются те же» [3, л. 69 об.].

К этим же темам Сумбатов-Южин возвратился и в письме В. А. Теляковскому от 24 марта. Он сетовал на то, что «в силу исключительности условий времени нет никакой возможности, без ущерба для дела, строго держаться разграничения компетенции по ряду текущих дел, которые, при нормальных условиях, подлежат Вашему разрешению или утверждению. Причины этого лежат и в общей повышенности настроения, не позволяющей иногда медлить или ждать сношений с Петроградом и, главное, в крайней неопределенности взаимоотношений властей Главного

Комиссара, Директора и Московского Комиссара». В связи с этими обстоятельствами Южин просил директора театров «установить с Федором Александровичем [Головиным. – П. Г.] хоть в главнейших чертах объем моих полномочий здесь и круг вопросов, в них входящих». Интересна одна явно «реакционная» ремарка Южина. Говоря о том, что в Большом театре «художественное Управление сосредоточено в руках выборного Управляющего и двух Заведывающих оперною и балетною труппами», автор письма объяснял: «Это было необходимо для избежания Коллективных Комитетов, как это, по вестям и слухам, установилось в Петрограде» [4, л. 7, 8–8 об.]. Таким образом, борьба с «комитетами», ставшая одним из лейтмотивов пропаганды умеренных и правых сил в 1917 г., ставилась Южиным как важная задача уже в середине марта.

Сообщая В. А. Теляковскому об организации в Малом театре комиссии «для разработки будущего театра, автономного или субсидируемого» и о том, что «ее работа длительная и принципиальная», Сумбатов-Южин отмечал: «Твердо укрепилось сознание, что до решения Учредительного Собрания не может измениться и строй театра в правовом отношении». Тем не менее Южин предупреждал своего старого начальника: «В одном отношении нельзя себе делать иллюзий: Московские театры очень ждут того, что они называют “автономией от Петрограда” и осуществляют ее насколько возможно в частичных вопросах. И внутреннего самоуправления». Сумбатов-Южин хотел ознакомить со своими соображениями и комиссара над бывшим МИДв; в конце письма он добавил постскрипту: «Может быть, Вы найдете нужным сообщить это письмо Ф. А. Головину, я был бы очень Вам благодарен».

Любопытно, что, завершая свое послание, Сумбатов-Южин, рассуждая о будущем театров, сделал комплимент В. А. Теляковскому: «Вся моя мечта поскорее настолько наладить здесь дело, чтобы можно было установить стройный порядок. Но не скоро это уляжется и примет спокойное течение. Впрочем Вы, высокоуважаемый Владимир Аркадьевич, всегда любили бури: их теперь сколько угодно и мне искренне жаль, что я не обладаю Вашим опытом и талантом их смирять, хотя руковожусь моими наблюдениями последних 19 лет над Вашими приемами» [4, л. 9–9 об.]. Теляковский, в свою очередь, относился к жалобам Южина на трудность ведения театрального дела не без некоторого злорадства. Получив от Южина 22 марта телеграмму, предуведомлявшую о скорой посылке указанного выше письма, директор театров записал на следующий день в своем дневнике о том, что Южин «сообщает, что высылает мне бумаги [с] своим заключением и пишет подробно, прибавляя “очень трудно”. Я думаю, эту последнюю фразу я от

него еще не раз услышу. Люби кататься – люби и саночки возить...» [3, л. 75 об.].

28 марта Сумбатов-Южин отправил уже непосредственно Ф. А. Головину подробную докладную записку. Начинаясь она с достаточно общих рассуждений о роли и значении русского театра, который «никогда не был только местом развлечений, как большинство буржуазных театров Запада. Он всегда шел рука об руку с русскою литературою, в ее борьбе с началами, унижавшими человеческое достоинство и подготовившей душу личности, общества и народа к созданию достигнутой теперь свободы народа и личности». Затем Южин переходил к конкретным предложениям, первым из которых стояло требование автономии от Петрограда. «Московские театры должны стать немедленно автономными от Петрограда и связаны с центральным Управлением, каково бы оно ни было – Дирекция, новое или старое Министерство, – лишь видимой связью денежной отчетности и выполнения известных обязательств общегосударственного характера», – писал Южин. «Опыт этих 3-х – 4-х недель показал мне», – продолжал артист, – «что нет возможности согласовать ежедневного требования, решать вопросы на месте, немедленно, личной инициативой, с порядком сношения с Петроградом» [5, л. 1–1 об.].

Отметим, что требование «автономии театров», весьма популярное в 1917 г. в театральной среде, понималось различными сценическими деятелями по-разному. В указанном докладе Сумбатов-Южин отмечал, говоря о разделяемом «всем составом Московских Государственных Театров, без различия отдельных групп» «единодушном требовании автономии», что «это слово не имеет точного, определенно-го смысла и подвергается самому распространительному толкованию» [5, л. 1 об. – 2].

Помимо лозунга «автономии», в докладной записке Головину Южин выдвигал предложение о разделении управления московскими Малым и Большим театрами, между которыми нет «ничего общего» («Первый, драматический, работал и должен работать, по своим историческим задачам, в области чисто духовной красоты, красоты мысли и образов, красоты живого слова. Безусловно на втором плане в нем стоит та красота музыки, пластики и красок, которая всецело входит в художественные задачи Большого театра, составляет самоцель оперы и балета» – отмечал артист). «Не давая никому никаких преимуществ», признавая «огромное художественное значение» за взаимодействием обоих театров, Южин писал: «Я все-таки не думаю встретить возражений против того, что весь процесс творческой работы каждого театра, вся ее форма и условия не могут быть однородны для всех». В числе конкретных мер, призванных обеспечить разделение управления обоими

театрами, Сумбатов-Южин называл следующие: «Надо назначить отдельного Комиссара по Большому и отдельного по Малому театрам. Надо немедленно разделить все делопроизводство и счетную часть Конторы, не деля ее самое на две в этот промежуток времени от текущего момента до установления, после Учредительного Собрания, новых статуты каждого театра на тех началах, которые будут выработаны. Это разделение делопроизводства и счетной части произвести чрезвычайно легко, по заключению самих чинов Конторы, лишь бы было твердо установлено распределение бюджетов каждого театра. Весь порядок денежных поступлений и расходов оставить прежний, по ассигновкам, подписанным Управляющим Конторою, ею составляемым и проверенным, проходящим через Контроль и оплачиваемым Кассами бывшего Министерства Двора или того Министерства, к которому будут отнесены функции высшего Управления Г[осударственны]ми Т[еатра]ми» [5, л. 2–2 об.].

В третьей части своего доклада Сумбатов-Южин коснулся вопроса внутреннего устройства театров. «Иначе как на выборном начале, установить его невозможно и не следует», – предварял он дальнейшие рассуждения. «Этому Управлению в лице Управляющего Театром предстоит полное заведывание всем делом в художественном отношении во всем объеме и в пределах бюджета, имеющего быть ныне установленным». Что же касается комиссаров по Малому и Большому театрам, то за ними автор доклада оставлял надзор за «правильностью использования» бюджета, а также «общее наблюдение как за всем ходом дела в Театрах в художественном и хозяйственном отношении, утверждение всех назначений, ангажементов, найма и пр. лиц, производимых Управляющим театром и всех расходов в пределах установленного бюджета, а также направление всех дел Конторы, касающихся вверенного каждому театра».

Важный вопрос об отношениях комиссаров с Московской Конторой театров был прописан в докладе Южина достаточно четко. «Всё заведывание делопроизводством Конторы принадлежит ее Управляющему временно на прежних основаниях. По отношению к Конторе оба Комиссара имеют права Директора Государственных Театров и через них же идут все отчеты и представления Конторы г. Комиссару б. Министерства Двора. Ему же они и подчинены непосредственно» [5, л. 2 об.–3]. В другом месте своего доклада Сумбатов-Южин дополнил приведенные выше положения: Московская Контора должна была отныне находиться «под заведыванием одного из Комиссаров по театрам по назначению Г. Комиссара Министерства, и ее деятельность до ее реформы ограничивается заведыванием исполнительской, отчетной и хозяйственной стороною дела».

В последней части докладной записки Сумбатова-Южина содержался проект «Временного положения по управлению государственными московскими театрами», состоящий из 8 параграфов, которые в целом повторяли содержание предшествующих частей доклада. Во «Временном положении» был лишь более четко акцентирован новый правовой статус государственных московских театров, которые «выделяются в особое учреждение, непосредственно подчиненное бывшему Министерству Императорского Двора или заменяющему его положение относительно б. Императорских Театров Установлению, в отношении общей отчетности, общегосударственных обязательств и назначения Комиссаров по отдельным театрам» (§ 1). Конкретизированы были и некоторые другие вопросы: о подчиненности различных частей театрального управления тому или иному комиссару, об утверждении бюджета театров (это, согласно плану Южина, оставалось прерогативой комиссара над бывшим МИДв), о взаимоотношениях комиссаров московских театров и управляющих театрами (в § 6 проекта «Временного положения» говорилось, что Большой и Малый театры «находятся в полном управлении художественною и административною стороною дела избираемого Управляющего Театром, утверждаемого властью Комиссара и подчиненного ему только в области: а) использования бюджета, б) выполнения общегосударственных обязательств театра и в) утверждении вначале общей временной системы управления каждого театра»; при этом делалось примечание, что «по минованию надобности к Управляющему Театром переходят функции Комиссара») [5, л. 3 об.–4].

Таким образом, в трех перечисленных письмах и записках Сумбатова-Южина (особенно в последней из них, от 28 марта) содержалась развернутая программа реформ в сфере управления московскими государственными театрами. Ключевыми ее моментами были: во-первых, выведение московских театров из-под контроля не только Московской Конторы, но и Дирекции театров с подчинением их непосредственно комиссару Временного правительства над бывшим МИДв; во-вторых, данное подчинение име-

ло ограниченный характер, в основном касаясь бюджетной сферы и назначения двух комиссаров (по Большому и Малому театрам); в-третьих, вводилась частично дублирующая комиссарскую должность управляющего театром – уже не назначаемого, а избираемого труппой (но утверждаемого комиссаром), при этом управляющие труппами были бы подчинены московским комиссарам в тех же вопросах, в которых последние подчинялись комиссару над бывшим МИДв; в-четвертых, управление Большим и Малым театрами совершенно разделялось. Наконец, в письмах и записках Южина явно отдавалось предпочтение хотя и выборному, но единоличному управлению, в противовес «коллективным комитетам». Отметим, что данная программа была в значительной степени реализована в разработанном в конце апреля – начале мая 1917 г. (при ближайшем участии Сумбатова-Южина) «Временном положении об управлении государственными театрами» – театральной «конституции» 1917 года [6, с. 97–166].

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Зограф Н. Г. Малый театр в конце XIX – начале XX века / Н. Г. Зограф. – М., 1966.
2. Переписка, возникшая в связи с февральской революцией // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 659. – Оп. 5. – Д. 12.
3. Теляковский В. А. Дневник 1916–1917 гг. / В. А. Теляковский // Архивно-рукописный отдел Государственного центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина (АРО ГЦТМБ). – Ф. 280. – № 1325.
4. Акты о принятии секретных дел конторы и докладная записка А. Южина // РГАЛИ. – Ф. 659. – Оп. 6. – Д. 146.
5. Докладная записка А. И. Южина Комиссару по бывшему Министерству имп[ераторского] двора о реорганизации управления Московскими театрами // РГАЛИ. – Ф. 2579. – Оп. 1. – Д. 1455.
6. Гордеев П. Н. «Временное положение об управлении государственными театрами»: история создания, редактирования и обсуждения «театральной конституции» 1917 года / П. Н. Гордеев // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды / ред. кол.: А. Б. Николаев [и др.]. – СПб., 2012.

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена*

*Гордеев П. Н., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории факультета социальных наук*

*E-mail: petergordeev@mail.ru*

*Tel.: 8-911-280-39-04*

*Russia State Pedagogical University Herzen*

*Gordeev P. N., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the History Department of the Faculty of Social Sciences*

*E-mail: petergordeev@mail.ru*

*Tel.: 8-911-280-39-04*